

of an artificial onomastic system. The names are considered in terms of their formal characteristics (derivational structure, capacity to function as parts of toponymic microsystems, etc.) and naming motivation. Most of the relevant place names are formed from personal names of explorers and other proper names related to the development of Novaya Zemlya. The author concludes that a significant part of the elements of the archipelago's toponymic system derived from agent nouns and reflect the history of the exploration and development of the archipelago, the Northeast Passage and, more generally, polar areas.

К е у в о р д с: toponymy, motivation, artificial naming, toponymic system, deantroponymic place names, Northeast Passage.

Д. В. Кузьмин
И. И. Муллонен

Петрозаводск

От формы к содержанию: метафора формы в карельской топонимии*

В статье предложен общий обзор карельских метафорических названий, мотивированных формой объектов, на территории Карелии. Будучи в целом немногочисленными, они лучше других топонимических групп позволяют выявить особенности народного мировидения. Продуктивность метафорических топонимов повышается при продвижении с юга на север Карелии, что, видимо, объясняется особенностями ландшафта, спецификой освоения края, а также особой этнической психологией разных групп карелов, населяющих этот край. В статье рассмотрены наиболее продуктивные мотивы номинации. Показано, что источником образности служит предметный мир, окружающий человека в повседневной жизни; востребованы также соматизмы. На фоне универсальных образов,

* Статья подготовлена в рамках выполнения проекта РГНФ № 14-04-00243 «Топонимные модели Карелии в пространственно-временном контексте».

характерных как для русской, так и для прибалтийско-финской топонимической системы, выявляются и метафоры, имеющие национальную специфику. Показательно, что в ходе усвоения русскими специфических прибалтийско-финских метафорических топонимов они, как правило, не переводятся, а передаются способом прямого усвоения. Приводятся некоторые примеры, показывающие различия в образном видении мира прибалтийско-финским и русским населением края. Показано, что многие устойчивые метафоры образуют ареалы, интерпретация которых выводит на реконструкцию истории карельского этноса.

К л ю ч е в ы е с л о в а: карельская топонимия, метафорические топонимы, ареал, народная картина мира.

Номинация географических объектов по признаку формы присуща топонимическим системам самых разных языков и в этом смысле является универсальной. За ней стоят определенные визуальные образы, свойственные разным культурным традициям. Она характерна прежде всего для небольших, «обозримых» объектов — островов, малых озер, возвышенностей, сельскохозяйственных угодий и др., форма которых в силу малого размера объекта просматривается, осознается носителями топонимической системы и используется ими в процессе номинации.

В числе топонимов, характеризующих форму объектов, можно выделить, с одной стороны, такие, в которых дается прямая характеристика (*Кривой порог*, *Круглая ламба*), а с другой стороны — топонимы метафорического характера, представляющие образное видение объекта.

В статье предложен общий обзор прибалтийско-финских метафорических названий, мотивированных формой объектов, на территории Карелии. Помимо мотива номинации, авторами предлагается интерпретация ареалов бытования некоторых моделей; внимание уделяется также различиям в образном видении мира прибалтийско-финским и русским населением края.

Образность как одна из устойчивых особенностей топонимии неоднократно отмечалась исследователями топонимических систем разных языков. Нам наиболее близки позиции Уральской

ономастической школы, установившей набор конкретных моделей образной номинации для традиционной севернорусской ономастической (в том числе топонимической) системы и показавшей связь ономастических образных моделей с концептами народного мировидения [Рут, 1994; Березович, 2009; 2010]. Уральскими коллегами разработаны принципиальные положения о специфике номинативных традиций в разных языках и национальном своеобразии топонимических метафор [Матвеев, 2006], предложена интерпретация некоторых конкретных метафорических моделей в субстратной топонимии Русского Севера, имеющих аналоги в прибалтийско-финской топонимии Карелии [Кабинина, 2011; 2013].

Источником материала для нашего исследования послужила Картотека топонимов Карелии и создающийся на ее основе в ИЯЛИ КарНЦ РАН электронный ресурс — ГИС «Топонимия Карелии», позволяющий, в частности, проводить геокодирование топонимов с привязкой названий к объектам номинации. Это дает возможность увидеть на топографической карте абрисы объектов, их взаимное расположение и тем самым выявить образы, лежащие в основе именования.

Количество образных топонимов в наших материалах невелико — они составляют около 2 % от всех зафиксированных названий. Однако в силу значительного когнитивного потенциала эта группа топонимов исключительно значима. Она лучше других топонимических групп позволяет выявить особенности восприятия мира древними номинаторами.

Выборка материала из картотеки и ГИС показала, что на карте Карелии метафорические топонимы, отражающие форму объекта, распределены неравномерно¹. Во-первых, они значительно более продуктивны в карельской топонимии, нежели в вепской; во-вторых, в карельской топонимии их активность падает при продвижении с севера на юг — из собственно карельского языкового ареала на территорию, населенную носителями ливвиковского и людиковского наречий. Видимо, эта ситуация вызвана сразу несколькими

¹ Это, вероятно, касается и других групп образных топонимов.

обстоятельствами. Прежде всего, играет свою роль разница в ландшафте: с одной стороны — относительно плоская, без ярко выраженных особенностей рельефа местность территории южной Карелии, с другой — центр и север края с обширными озерами, характеризующимися изрезанной береговой линией, с «вааровым» (изобилующим лесистыми горами) и скалистым ландшафтом. Безусловно, в центре и на севере Карелии сам этот ландшафт провоцировал образную номинацию. Не менее, а даже, очевидно, более существенное значение имела и та разница в освоении и использовании пространства и, следовательно, в его народном видении, которая отличает северную Карелию от южной. Заселение карелами центральной и северной Карелии (собственно карельский ареал) происходило первоначально в рамках промыслового освоения, и промыслы до сих пор играют существенную роль в экономике этого края. Промысловое освоение способствовало сохранению мифологических представлений и связанного с ними образного видения. Южная же Карелия, населенная карелами-ливвиками и карелами-людиками, как и вепсский ареал, — это преимущественно аграрный регион, что обуславливает прежде всего прагматический подход к местности как к объекту сельскохозяйственной деятельности. Однако, помимо особенностей географической среды и специфики освоения края, должны, видимо, учитываться и особенности образного восприятия мира у разных народов, этническая психология, о чем писал в свое время А. К. Матвеев [2006, 112]. Надо полагать, что карелам в большей степени, чем, например, вепсам, была присуща яркая образность мировосприятия, воплотившаяся в том числе в богатейшей фольклорной традиции. Показательно в связи с этим, что многочисленные метафорические топонимы зафиксированы на исторической собственно карельской территории — в северо-западном Приладожье [Nissilä, 1975], притом что это был традиционно сельскохозяйственный регион.

Исследуемые материалы содержат некоторое количество бинарных (парных) образных корреляций и многочисленных топонимических систем, однако основную массу составляют одиночные метафоры. Источником образности в случае одиночных метафор

чаще всего служит предметный мир, окружающий человека в повседневной жизни: посуда, одежда, орудия труда.

Из лексем, называющих орудия труда, наиболее востребованной в карельской топонимии оказывается *kirvez* ‘топор’. Названия *Kirvesjärvi*, *Kirvezjärvi* (*järvi* ‘озеро’) и *Kirvezlambi* (*lambi* ‘небольшое лесное озеро’), *Kirvezniemi* (*niemi* ‘мыс’) наиболее частотны в собственно карельском ареале, реже встречаются на остальной карелоязычной территории и лишь sporadически фиксируются в вепсском ареале. В пояснениях информантов превалируют два мотива именования: или озеро по форме напоминает лопасть топора (что в целом подтверждается топографическими картами), или в озере когда-то утопили топор (что вписывается в традиционный фольклорный сюжет, но, видимо, лишь в исключительных случаях имеет реальную подоплеку).

В топонимии сохраняется также память о боевом топоре с широким лезвием, называемом в собственно карельских говорах словом *tappara*, заимствованным в прошлом из русского языка: *Tapparalambi*, *Tapparaguba*, *Tapparaoja*, *Tapparasuo*, *Tapparavuara* (Сегоз., Топорная Гора); *Tapparaoja* (Кемир., Пибозеро); *Tapparasuaret* (Лоух., Пильдозеро). Из других рабочих орудий известны *labie* ‘лопата’: озеро *Labiejärvi* (Тунг., Березовый Наволок), мель *Labiekorgo* (Тунг., Летнее Озеро), болота *Labiešuo* (Ругоз., Минозеро), *Lapiešuo* (Кест., Запеек); *vasara* ‘молоток’: озеро *Vasaralampi* (Ухт., Кентозеро), залив *Vasaralakši* (Ухт., Колвасозеро), поле *Vasarapelto* (Ухт., Лусалми); *kurikka*, *kurik* ‘колотушка для колки дров’: озера *Kurikanlammit* (Сегоз., Сельги), *Kurikkalambi* (Медв., Совдозеро), болото *Kurikkašuo* (Кемир., Панозеро), мыс *Kurikniemi* (Конд., Лижмозеро.); *viikateh* ‘коса горбуша’: озеро *Viikatehjärvi* (Тунг., Коссозеро); *tervaparčča* ‘кисть для смоления’: мыс *Tervaparčča* (Ухт., Ухта); *jouži* ‘охотничий лук’: озеро *Joužarvi* (Ругоз., Евжезеро); *kovažin* ‘точильный камень’: остров *Kovažinsuari* (Олон., Мегрозеро), река *Kovažinjogi* (Видл., Колатсельга); *huuhmar* ‘ступа’: гора *Huuhmarselgy* (Видл., Заячья Сельга); *piihitet* ‘клещи, щипцы’: залив *Piihtlahti* (Сямоз., Пихтлахта). При этом очертания названных предметов отчетливо просматриваются в формах объектов на топографических картах: например,

залив *Piihtlahti* окружен полукруглыми мысами, напоминающими концы щипцов, озеро *Viikatehjärvi* повторяет очертания косы горбуши с короткой изогнутой ручкой и длинным лезвием и т. д.

Для описания формы объекта нередко выбираются предметы кухонной утвари — столовые приборы и емкости. Так, термин *kattila*, *kattil* ‘кастрюля, котел’ востребован, с одной стороны, в названиях небольших водоемов, круглых по форме и относительно глубоких, а с другой стороны — в названиях речных порогов. Если в первом случае главным является мотив формы, то во втором — образ кипящей в котле воды: падающая с высоты или омывающая луду вода бурлит под порогом или на камнях. Соответствующие примеры: заливы *Kattilaguba* (Свят., Святозеро), *Kattilaine* (Сямоз., Акимова), озеро *Kattilalampi* (Ухт., Ухта); луда *Kattilluodo* (Видл., Корбинаволоок). Впрочем, топооснова бытует и в названиях объектов другого рода, где реализованы иные мотивы номинации: поле *Kattiluhuuhtu* (Видл., Нялмозеро), гора *Kattilumägi* (Видл., Колатсельга) и др.

Образ наполненной водой посуды лежит также в основе озерных наименований *Kapustajärvi* и *Kapustalambi* — от карел. *kapusta* ‘деревянный черпак, половник’ (< рус. диал. *копыстка* ‘мешалка, которой размешивают еду для свиньи’ [SSA, 1, 309]), а также *Kauhalambi* — от карел. *kauha*, ливв. *kauhu* ‘ковш для воды’. Судя по абрисам названных озер на топографических картах, они действительно напоминают поварешку или ковш с ручкой. На ручке как на существенном элементе образа заостряют внимание названия залива *Kauhavarrenlakši* (Тунг., Кевязозеро) и возвышенности *Kauhavarzi* (Кемир., Ригорека), в которых топооснова означает буквально «Ручка ковша». Отметим, что в русской Карелии на Заонежском полуострове известно озеро под названием *Ковшозеро* (Шунг., Фоймогуба) — по форме оно действительно напоминает ковш, «ручкой» которого служит узкий длинный залив, что отмечают и информанты: «Енарская речка (приток Ковшозера. — Д. К., И. М.) — она в ручку ковша падает (т. е. в длинный залив озера, напоминающий ручку ковша. — Д. К., И. М.)». В контексте мощного прибалтийско-финского субстрата в топонимии Заонежья, а также

с учетом сложной структуры названия для гидронима *Ковиозеро* вполне реально реконструировать прибалтийско-финский оригинал: исходя из узкой длинной «ручки» — скорее в виде *Kapusta-*, чем *Kauhajärvi*.

Возвышенности с крутыми склонами ассоциируются в карельской топонимической традиции с перевернутой чашей — при этом обычно используется лексема *mal'l'a*, *mal'l'ukka* ‘глубокое блюдо, миска, чашка (обычно из дерева)’. Судя по карте бытования, эта модель могла сформироваться в карельском Приладожье — на коренной карельской территории, где фиксируется неоднократно. Оттуда по путям карельской экспансии она продвинулась на северо-запад, отметившись в Поросозерье и Сегозерье названиями горы *Mal'l'avaara* (Петр., Кудомгуба), озер *Mal'l'ajärvi* (Петр., Виччаваара; Сегоз., Каличий Остров), а затем в Беломорской Карелии, где она воплотилась в названиях гор *Mal'l'akka* и *Mal'l'avuara*, а также озерной отмели *Mal'l'akorko* (Кест., Кестеньга; Кемир., Маслозеро), поля *Mal'l'ukka* (Тунг., Шуезеро). С карельскими переселенцами модель дошла до Карельского берега Белого моря, где отмечены горы *Бережная Малья* и *Морская Малья* (Сорок., Колежда), гора *Малья ~ Марья* (Канд., Ковда). Карельским наследием являются и названия гористого острова *Мальяки* с вариантами *Мальячки* и *Марьячки* (Велик., Великая Губа), угодья *Мальяха* (Шунг., Кузаранда), горы *Малля* в Прионежье (Суйсарь), а также горы *Мальян* (< *mal'l'aine* ‘небольшая чаша или миска’) на южном берегу Онежского озера в Вытегре.

В ряду «посудных» и связанных с домашней утварью топонимов обнаруживаются также озеро *Riehtilälampi* (Ухт., Костомукша) < *riehtilä* ‘сковорода’; отмель *Kalavakkakorgo* (Тунг., Березовый Наволок) < *kalavakka* ‘корзина для рыбы’; залив *Puzuguba* (Конд., Тавойгора), болото *Puzusuo* (Олон., Самбатукса), гора *Puzusel'g* (Петр., Курганова Сельга) < *puzu* ‘берестяной туюсок, черпалка’; остров *Padasuari* (Видл., Каппа), озеро *Padarvi* (Сямоз., Чуралахта), озеро *Padalambi* (Сямоз., Вешкелица; Свят., Шомба; Свят., Улялега), болото *Padasuo* (Видл., Кинерма), порог *Puankoški* (Ругоз., Чирка-Кемь) < *pada* (gen. *puan*) ‘горшок, чугунок’; озеро *Kulhonlampi* в Северном Приладожье (Кааламо) < *kulho* ‘миска’; болото *Rovehsuo*

(Олон., Гушкала) < *roveh* ‘кузовок из одного куска бересты’; гора *Kaššalimägi* (Петр., Юркостров), скала *Kaššalikallivo* (Видл., Сона), мыс *Keššelinniemi* (Видл., Аги), мыс *Kesseliniemi* (Тунг., Шуезеро), камень *Keššelikivi* (Ухт., Костомукша), остров *Keššelišuari* (Ухт., Аккала), место *Keššelimua* (Кест., Соколозеро), покос *Kivikeššelinnurmi* (буквально «Покос каменного кошеля»; Медв., Чумойгора) < *kaššali*, *keššeli* ‘кошель из бересты’.

Из столовых приборов востребован прежде всего нож: в топонимии карел. *veičči* ‘нож’ и *puukko* ‘финский нож’ характеризуют узкие и длинные объекты: остров *Veiččišuari* (Канд., Нильмозеро), залив *Veiččilakši* (Лоух., Булдыри; Тунг., Кевязозеро), озеро *Veiččilambi* (Петр., Ватчела), залив *Veiččilahti* (Петр., Мярандукса), покос *Veiččiorgo* (Олон., Утозеро); покос *Puukkonnurmi* (Ухт., Поньгагуба), порог *Puukkokoški* (Ухт., Ченозеро). К этому ряду примыкает название болота *Luzikkusuo* (Видл., Рогокоски), восходящее к карел. *luzikku* ‘ложка’.

«Кухонный» предметный мир продолжают некоторые виды выпечки с характерной формой: возвышенность *Kalakukkovuara* (Кемир., Рудометово) < *kalakukko* ‘рыбник’; остров *Kansikassaari* в Северном Приладожье и четырехугольное по форме озерко *Kannikazlambi* (Сямоз., Корза) < *kannikaz* ‘горбушка хлеба’; озера *Kakkarlambi* (Петр., Ватчела) и *Kakkaralampi* (Ухт., Костомукша), залив *Kakkaravengi* (Ухт., Юшкозеро) < *kakkaru* ‘тонкий овсяный блин’ (ср., однако, *kakkara*, *kakkaraini* ‘кувшинка’); остров *Kringel’suor* (Конд., Лижмозеро) < *kringel* ‘баранка’; покос *Virmukanniityt* (Олон., Утозеро) < *virtumukku* ‘крендель, баранка’; озеро *Pyöräkkölambi* (Петр., Вохтозеро), поле *Pyöräkköpellot* (Сямоз., Плянка), поле *Pyöräkkö ~ Pyöräkönpellot*, болото *Pyöräkösuo* (Сямоз., Нижняя Салма) < *pyöräkkö* ‘круглый пирог с начинкой’; покос *Kokoihalme* (Петр., Ватчела), гора *Kokoinmägi* (Олон., Лумбозеро), покос *Kokoinpergo* (Видл., Гавриловка) < *kokoi* ‘овсяный хлебец продолговатой формы’; луда *Kurnikkuluodo* (Петр., Вохтозеро) < *kurnikku* ‘рыбный пирог’; остров *Kalačunsaari* (Видл., Аги) < *kalačču* ‘калач’; возможно, луда *Kalkačču* (Видл., Юргелица) < *kalkačču* ‘черствый засохший хлеб’.

Метафора формы скрывается также в названиях болот *Käzipaikkusuo* (Свят., Пряжа) и *Käzipaikansuo* (Петр., Кончезеро) < *käzipaikku* 'полотенце'. В этом контексте и при отсутствии соответствующего русского ряда название озера *Полотенце* в русском Заонежье (Шунг., Чужмукса) следует, видимо, считать переводным.

Выразителен образ кантеле (карел. *kandeleh*, фин. *kannel*), отраженный в названиях ряда небольших по размеру и действительно имеющих форму этого национального музыкального инструмента объектов (см. рис. 1, 2). Тополексемы *kantele* и *kannel* хорошо известны в юго-восточной Финляндии, в том числе на Карельском перешейке — исторической карельской

Рис. 1. Очертания оз. *Kantelesaari*

Рис. 2. Очертания оз. *Kandelehlambi*

территории, где неоднократно отмечены озера *Kanneljärvi*, *Kannellampi*, мыс *Kannelniemi* и, соответственно, озера *Kantelejärvi*, острова *Kantelesaari*, мысы *Kanteleniemi*, заливы *Kantelelahti*. В Карелии выявлено несколько топонимов этого типа, разбросанных по обширной территории карельского расселения: ручей *Kandeleoja* (Ухт., Юшкозеро), мыс *Kandelehniemi* (Ребол., Колвасозеро), залив *Kandelehlakši* (Ребол., Ребола), озеро *Kandelehlambi* (Петр., Юркостров), гора *Kandelehselgy*, болото *Kandelehsuo* (Олон., Улваны), мыс *Kandelniemi* (Сямоз., Савиново), озеро *Кандольское* при устье реки Свири. Знаменательно, что ареал модели продолжается на восток и отражает, очевидно, карельское продвижение на территорию нынешней Архангельской области. В материалах Картотеки топонимической экспедиции Уральского университета представлено по крайней мере два наименования: озеро *Канделье* — в связке

с озером *Кривое* в Онежском районе [см.: Кабинина, 2013, 69] и озеро *Кандело* в Пинежском районе.

Стереотипным источником для возникновения топонимических метафор являются части тела животных и человека, что продолжает линию, характерную для географической терминологии: озеро *Suujärvi* — буквально «Ротозеро» (Олон., Саримяги); порог *Hevonperze* — «Зад лошади» (Ругоз., Лувозеро); озеро *Syväperze* — «Глубокий зад» (Свят., Лисья Сельга); заливы *Lehmänperze* «Коровий зад» и *Kondienperze* «Медвежий зад», из которых первый по расположению самый близкий к деревне, а второй — наиболее удаленный (Кемир., Воленварака); покос *Hiirenkorva* — «Ухо мыши» (Ухт., Ювалакша); поворот на реке *Kurenpolvi* — «Колено журавля» (Кемир., Uzmana); мысы *Jäniskorvat* — «Уши зайца» (Тунг., Лехта); мыс *Levieperze* — «Широкий зад» (Тунг., Березовый Наволок); покос *Revonkoipi* — «Лапа лисы» (Ухт., Контоки); место *Sorkančuppu* (Сямоз., Спиридонनावолок) < *sorkku* 'нога животного'; порог *Hammaskoski* (Видл., Большие Горы), луда *Hammašluvvot* (Кем., Кемь) < *hammas* 'зуб'; озеро *Virčlambi* (Петр., Нелгаозеро) < *virču* 'клык'; озеро *Čikkeri* (Свят., Кескозеро), остров *Čikkeli* (Петр., Вохтозеро) < *čikkeri*, *čikkeli* 'криво растущий зуб'; окруженные высокими берегами залив *Pidžinlahti* (Видл., Большие Горы) и порог *Pičinkuuru* (Олон., Утозеро) < *pidži*, *pičinkuuru* 'женский половой орган'; мыс *Brillinniemi* (Олон., Коткозеро), болото *Munasuo* (Олон., Корвала), ручей *Tyräoja* (Видл., Мандера) < *brilli*, *muna*, *tyrä* 'мужской половой орган'; мыс *Kerežniemi* (Видл., Колатсельга) < *kereži* 'живот'; берег *Keronliete* (Сямоз., Инжуनावолок) < *kero(i)* 'горло, глотка'; мыс *Bukkari* (Олон., Куйтежа) < *bukkari* 'плавательный пузырь у рыб'; озеро *Bul'unlambi* (Видл., Кукойвара), мыс *Bul'unniemi* (Сямоз., Савиново) < *bul'u* 'глазное яблоко; зенки'; скала *Kielikallivo* (Видл., Колатсельга) < *kieli* 'язык'; озера *Piälambi*, *Piäjärvi* (Свят., Кескозеро) < *piä* 'голова'.

К этой же группе может принадлежать ряд гидронимов с основой *Hanga-/Hankas-/Hangas-/Hangaz-*, в которой реализовалась образная семантика прибалтийско-финского (в том числе карельского) слова *hanka*, *hanga*, *hangas* 'развилка между большим и указательным

пальцами'. Впрочем, актуальными для топонимии могут быть и наименования целого ряда предметов раздвоенной формы, возникшие на основе примарной соматической семантики, — например уключины лодки (*hanka* ~ *hanga*, *hangas*), вилы (*hanko* ~ *hanho*) или даже особый вид охотничьей ловушки (*hangas*). Основа продуктивна прежде всего в собственно карельском языковом ареале — на севере и в центральных районах Карелии, причем преимущественно в виде *Hangas-/Hangaz-*; на юге обнаружены только единичные случаи: озера *Hankajärvi*, *Hanka(i)sjärvi*, *Hangaslampi*, *Hankašlakši*, мыс *Hangašniemi*, ручей *Hangazoja*, гора *Hangazselgy*, озера *Гангасламба*, *Гангозеро* и т. д. Видимо, к этому же ряду относятся топонимы с атрибутивным элементом *Hangamus-* (озеро *Hangamuslampi*) и *Hango-* (озеро *Hangolampi*).

В свое время на топонимы Финляндии с основой *Hanka-/Hangas-* обратил внимание известный финляндский этнограф К. Вилкуна, связавший их с промысловым термином *hangas*, которым обозначался особый вид охотничьих ловушек на оленей и лосей. Такие ловушки часто устраивались на берегу водоема в виде заграждения, заканчивавшегося ловчей ямой. Кроме того, термином *hangas* называли специальные сетки для ловли птиц, которые натягивались через длинный залив или пролив по маршруту перелета птиц. Они, по мнению исследователя, тоже могли послужить основой ряда номинаций [Vilkuna, 1972, 231–255]. Эта «охотничья» интерпретация топонимов с основой *Hanga(s)-* повторяется и в недавно вышедшем словаре топонимов Финляндии [SP, 69]. Очевидно, актуальна она и для карельской топонимии, особенно с учетом того, что основной массив названий с этой основой сосредоточен в северной части Карелии, где охота на оленей входила в круг традиционных видов деятельности населения.

Тем не менее «охотничья» версия не отменяет полностью другого объяснения, связанного с раздвоенной формой названных объектов — небольших озер, озерных заливов, мысов. Стоит заметить, например, что ловчие ямы нередко устраивались как раз на мысах, образуемых двумя развилками озера, — этому благоприятствовал сам ландшафт местности. В результате могло происходить

переосмысление: от первоначальной «кривой» семантики к «охотничьей».

При интерпретации названий «кривых» озер обращение к топографическим картам наглядно показывает изменения озерного ландшафта, которые произошли с момента появления топонима. Нередко название вступает в противоречие с тем, как выглядит озеро на карте, — но не потому, что топоним «врет», а потому, что изменилась сама география местности: небольшие озера со временем заболачиваются, бывшие озерные заливы зарастают. Топоним в этой ситуации сохраняет память о том, как выглядело озеро в момент появления названия. Например, соседние озера *Гангозеро* и *Малое озеро* (Конд.) на северо-западном побережье Онежского озера еще в относительно недавнем прошлом явно составляли единое целое. Сейчас между ними находится осушенная низина, пересеченная рукотворной канавой, вдоль которой располагаются основные сельхозугодья поселения Гангозеро (см. рис. 3). Историческое Гангозеро включало в себя, таким образом, оба нынешних озера и имело форму развилины, что и подтверждается его названием.

Очевидно, подобная гидрографическая история стоит также за названием озера *Hangamuslambi* (Видл., Пертозеро), которое на западе через короткий болотистый ручей соединяется с соседним озером *Rajavanlambi* (возможно, от *rajavi* ‘разделяющий, делящий’), а на юге продолжается длинным болотистым хвостом (см. рис. 4). В ряду наименований, отражающих кривую форму озера, подтвержденную картографически, — озеро *Hangdärv*, на топографической карте *Хангасдярви* (Олон., Ньюхово). Озеро *Hangolambi*

Рис. 3. Очертания оз. Гангозеро и оз. Малое

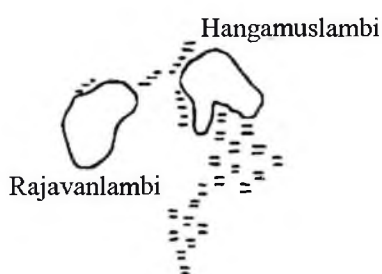

Рис. 4. Очертания оз. *Rajavanlambi* и оз. *Hangamuslambi*

(Свят., Кескозеро) имеет, по утверждению информанта, форму вил — очевидно, осмысление названия в связи с карел. *hango* 'вилы' повлияло в данном случае и на огласовку конечного гласного топоосновы. В восточной части Беломорской Карелии укажем озеро *Hangaisjärvi*, на картах Бол. Хангозеро (Тунг., Афонино), на юго-западном побережье кото-

рого располагается обширное непроходимое болото с рядом озер, что тоже может быть подтверждением исторически «кривой» формы озера. Привлечение картографического материала в подобных ситуациях — потенциальный ресурс для исторической географии, ибо он сохраняет память о ландшафте многовековой давности, причем не только природном, но и культурном. В частности, наши материалы указывают на то, что рассматриваемая модель не была присуща вепсской гидронимии, т. е. появление ее в Обонежье может быть связано с карельским освоением. Иначе говоря, изначально единое кондопожское Гангозеро, разделившееся затем на два озера, было названо карелами, т. е. название задает определенные хронологические ориентиры для картины местных миграционных процессов, поскольку оно должно было появиться еще до разделения озера на два объекта. В принципе, данные естественных наук о скорости зарастания озерных заливов (при благоприятных условиях приблизительно 5–7 см в год²), а значит, и о прежних береговых очертаниях — это та объективная исходная база, которая в силу отсутствия опыта и соответствующей методики анализа пока лишь в очень малой степени привлекается ономастикой, хотя в такого рода междисциплинарных исследованиях заложен большой потенциал.

Список интересующих нас топонимических метафор, таким образом, довольно обширен, причем в нем нередки уникальные,

² Устная консультация исследователей Института биологии КарНЦ РАН.

окказиональные образования, не формирующие отчетливого ареала, но, безусловно, информативные в плане отражения народной картины мира.

Со своей стороны, многократно воспроизводимые, устойчивые метафоры (такие, как *kandeleh* или *mal'l'a*) дают возможность для проведения ареального анализа, который выводит на реконструкцию истории карельского этноса. Среди таких ценных в историко-культурном смысле образных именовании — карельские и восточнофинские озерные гидронимы типа *Kuadielambi* / *Kuatielampi* / *Kaatiolampi*, называющие небольшие озера раздвоенной формы. В них актуализирована карельская и восточнофинская лексема *kuadiet* / *kuatiet* / *kaatio(t)* ‘подштанники, кальсоны’, которая, в свою очередь, является в прибалтийско-финских языках славянским заимствованием, ср. праслав. **gatja*, рус. диал. *gami* ‘штаны’ [SSA, 1, 268].

Модель имеет явный карельский ареал (см. рис. 5), который наиболее насыщен в Приладожье, на родовой территории карельского этноса. На относительную древность модели здесь указывает то, что она фиксируется в названиях довольно крупных водоемов, которые сохранили свои названия и после исхода основной массы карелов с родовой территории в XVII в. и прихода туда восточнофинского населения. Как известно, при смене населения обычно уходят из употребления названия небольших географических объектов, тогда как более крупные, как правило, сохраняются. При том, что само слово *kaatio(t)* в значении ‘подштанники’ известно на территории современных восточнофинских диалектов как древнее карельское наследие, в роли топоосновы на восточнофинских территориях оно представлено неравномерно. Картографирование показывает, что ареал этой топоосновы привязан к границе, обозначенной Ореховецким мирным договором 1323 г., по которому западная часть древнекарельской территории отошла к Швеции. Это привело к постепенному обособлению новых «шведских подданных» от «новгородских» приладожских карелов и формированию саволаксов — одной из народностей финского этноса. На шведской стороне топонимы с основой *Kaatio-* представлены крайне слабо, в то время как на новгородской — в современной финляндской

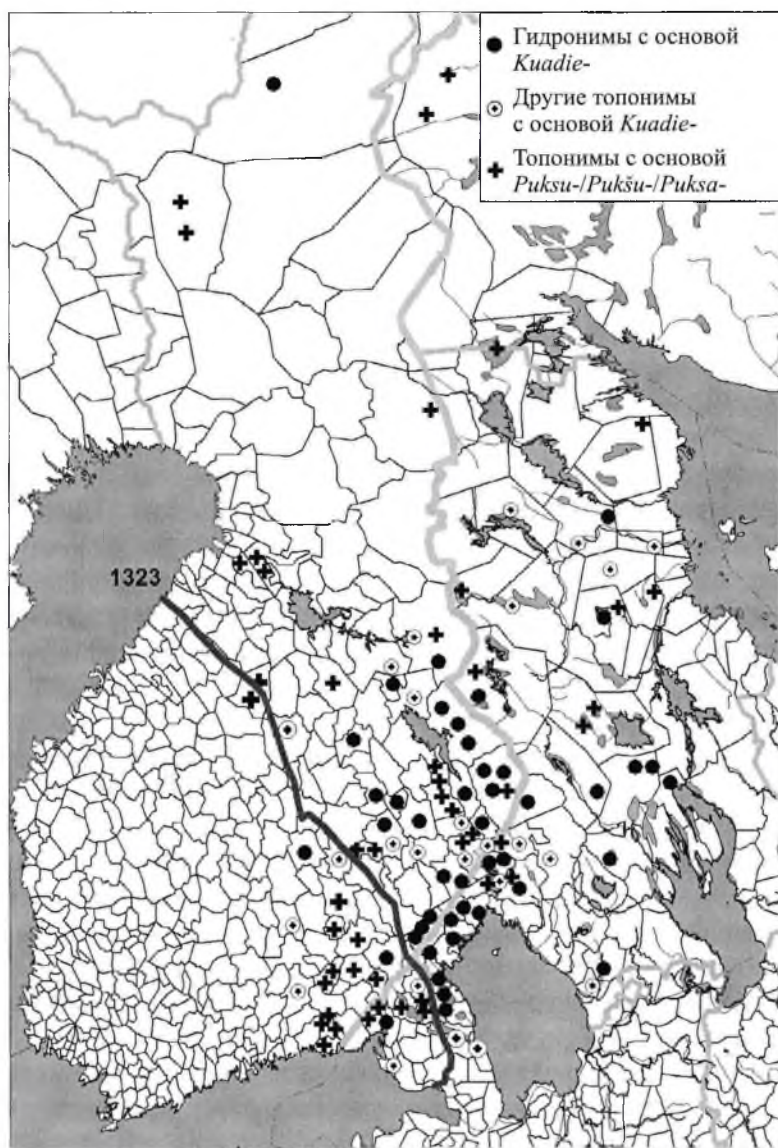

Рис. 5. Ареальная дистрибуция топонимов с основами *Kuadie-* и *Puksu-/Pukšu-/Puksa-*

Северной Карелии и в Кайнуу, которые были заселены карелами в конце Средних веков — начале Нового времени, — они довольно активны. Такая ареальная картина позволяет говорить о том, что модель появилась на родовой территории карельского этноса в позднем Средневековье и была, видимо, востребована при наименовании новых объектов еще в начале Нового времени. Единичные воплощения модели на территории бывших карельских погостов в Суур-Саво, а также в западных частях Карельского перешейка относятся, вероятно, к XIV в., когда связи населения переданных Швеции карельских погостов с коренной территорией карелов в Приладожье еще не были полностью утрачены.

Очевидно, с периодом позднего Средневековья — началом Нового времени можно связывать и появление модели в центральных частях современной Карелии. К середине XVII в., когда произошел массовый исход карелов из Карельского уезда в Россию, модель, видимо, уже теряла свою продуктивность у карелов Приладожья. Вследствие этого ее ареал в российской Карелии сильно разрежен. Показательно, что модель малопродуктивна у тверских и новгородских карелов, переселившихся из Приладожья также в XVII в. В последнем случае, однако, должны быть приняты во внимание дополнительные обстоятельства: малочисленность озер на тверских и новгородских землях, неполнота собранного материала.

Не исключено, что история модели на востоке начинается раньше XVII в. и связана со средневековым промысловым освоением Беломорской Карелии. Возможно, рано она появилась и в западной части архангельского Поморья, где отмечено озеро *Кадозеро* (Арх., Онеж.), отличающееся раздвоенной формой [Кабинина, 2013, 78]. На Русском Севере Топонимической экспедицией Уральского университета зафиксированы также озера *Квадзеро* (Арх., Пин.) и *Квадинское Озеро* (Арх., Шенк.), в которых, видимо, карельский дифтонг *-ua-* (*kuadie*) отразился в виде русского *-ва-*. В этот же ряд топонимов заманчиво поместить и несколько названий с топоосновой *Кад-/Кам-* в Восточном Обонежье, хотя не все из них в равной степени убедительно могут быть интерпретированы как «порточные», поскольку сейчас это не подтверждается формой реалий:

озеро *Катозеро* (Шал., Каршево), залив *Кадьгуба* / *Катьгуба* (Шал., Авдеево), болота *Кадьмох* / *Катьмох* (Шал., Шала), *Кадимох* (Пуд., Пильмасозеро), *Кадьское* (Пуд., Корбозеро).

В топонимии северной Карелии известна также синонимичная образная основа *Pukšu-/Pukša-*, в которой закрепилось заимствование из шведского языка [SSA, 2, 420], бытующее в финских и карельских говорах в виде фин. *puksu(t)* и карел. *pukšu(t)* ‘подштанники, кальсоны’, *buksat* ‘штаны рыбаков, пропитанные олифой’. Как и в случае с *kaatio*, *kuadie*, эта основа использовалась прежде всего в наименованиях незначительных по размеру озер, и ее основной ареал располагается в восточных районах Финляндии (см. рис. 5). В Карелии же зафиксировано лишь несколько названий с этой основой: болото *Pukšusuo* (Ухт., Аконлакша), озеро *Pukšulambi* (Лоух., Воронская; Тунг., Ноттаваракка; Ребол., Ровкулы; Сегоз., Юккогуба), порог *Pukšunkoški* (Кест., Тумча); возможно, в этот ряд входят также озера *Pukšujärvi* ~ *Pukšajzjärvi* (Тунг., Машозеро), *Pukšajzjärvi* (Ухт., Юшкозеро) и *Pukšalambi* (Ребол., Концеостров). Взаимоотношения этой основы с основой *Kuadie-* не вполне ясны, однако ее ареал, привязанный к исторической карело-саволакской границе, наводит на мысль о том, что его западный предел мог сформироваться в результате перевода (калькирования) исходных карельских топонимов с основой *Kuatie-* в ходе финнизации бывших карельских территорий восточной Финляндии. В дальнейшем, вместе с оттоком населения с этих территорий на восток, засвидетельствованным документально, эта модель появляется и в топонимии современной Карелии.

Один из аспектов, актуальных в контексте анализа метафорической топонимии, связан с дистрибуцией универсальных и имеющих национальную специфику образов. Этот аспект, в свою очередь, имеет выход на проблемы адаптации прибалтийско-финской образной топонимии русской топонимической системой Карелии. Исходя из того что в конечном счете образные названия порождены конкретным историческим опытом народа [Матвеев, 2006, 113], а опыт этот в нашем регионе в значительной степени един, естественно, что в топонимии прибалтийско-финского и русского происхождения наблюдается немало тождественных образов.

Так, обеими топонимическими системами востребованы такие элементы окружающего предметного мира, как топор, лопата, котел, сковорода, портки и др. В то же время, например, для карел. *kurikka* 'колотушка для рубки дров', *vazara* 'молоток' или *mal'l'a*, *mal'l'akko* 'чаша, миска' соответствующих русских топооснов в активном употреблении не обнаруживается. Не случайно, видимо, топонимы с этими карельскими основами интегрировались в русскую топонимию Заонежья, где на протяжении столетий тесно взаимодействовали прибалтийско-финская и русская этнокультурные традиции, не путем перевода, а путем прямого усвоения: залив *Куреки* (Велик., Мижостров), залив *Вазарукса* (Конд., Тулгуба), гора *Мальяки* (Велик., Сибово). В некоторых случаях внутренняя общность прибалтийско-финских и русских названий, не выраженная прямо, все же проявляется в процессе анализа материала. Так, в селе Нюхча (Сорок.) на поле *Варзанга* (ср. карел. *varza* 'жеребенок') стоит большой камень *Коничек* — возможность калькирования в этом случае не исключена, но «конь-камни» были, вероятно, известны обоим этнокультурным традициям.

В топонимии Заонежского полуострова есть уникальный пример того, как одна и та же идея формы объекта интерпретировалась карельской и русской топонимическими системами по-разному. Небольшой залив Уницкой губы Онежского озера носит название *Гангасгуба* (*Hanga-* ~ *Hangas-* 'развилина' — см. выше). При этом раздвоенностью формы залив не отличается, однако в непосредственной близости от него расположено относительно крупное вилообразное озеро *Порточное*. Это дает основания реконструировать для озера дорусское название с топоосновой *Hangas-* (**Hangasjärvi*), которая сохранилась в наименовании смежного залива, но была утрачена лимнонимом в ходе закрепления русской топонимии в Заонежье. Пришедший на смену русский топоним для номинации объекта раздвоенной формы использовал русскую образную модель (от *порты*, *портки*).

При всем этом, разумеется, приходится учитывать и то, что в ареале активного контактирования тождество ряда метафор может являться мнимым. Русское население Обонежья и Беломорья

формировалось в значительной мере под влиянием языка и самосознания местного прибалтийско-финского населения, поэтому высокая вероятность перевода оригинальных прибалтийско-финских метафорических названий даже в тех случаях, когда в русской образной топонимической системе не оказывалось наготове традиционного эквивалента. Образная номинация не столь последовательно модельна, как прямая номинация. В ней нередки уникальные образования, что, в принципе, предполагает и возможность окказиональных переводов.

Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Пространство и человек. М., 2009.

Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Мифопоэтический образ пространства. М., 2010.

Кабинина Н. В. Метафорические названия в топонимии Архангельского Поморья // Вестн. Перм. ун-та. 2011. № 3 (15). С. 17–24.

Кабинина Н. В. Народная топонимическая геометрия (на материале названий озер Архангельской области) // Вопр. ономастики. 2013. № 2 (15). С. 60–90.

Матвеев А. К. Образное народное видение и проблемы этимологической интерпретации топонимов // Матвеев А. К. Ономатология. М., 2006. С. 112–132.

Рут М. Э. Образная ономастика в русском языке: ономастологический аспект: дис. ... д-ра филол. наук / Урал. гос. ун-т. Екатеринбург, 1994.

Nissilä V. Suomen Karjalan nimistö. Joensuu, 1975.

SP — Suomalainen paikannimikirja / päätoim. S. Paikkala. Jyväskylä, 2007. (Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja; 146). *

SSA — Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1–3 / toim. E. Itkonen & U.-M. Kulonen. Helsinki, 1992–2000.

Vilkuna K. Hangas: vanhan pyyntikulttuurin jälkiä paikannimistössä // Nimikirja. 1972. S. 231–255.

* * *

Кузьмин Денис Викторович

кандидат филологических наук, PhD,
старший научный сотрудник
сектора языкознания
Институт языка, литературы
и истории КарНЦ РАН
185910, Петрозаводск,
ул. Пушкинская, д. 11
E-mail: kuzmiccu@hotmail.com

Муллонен Ирма Ивановна

доктор филологических наук,
главный научный сотрудник
сектора языкознания
Институт языка, литературы
и истории КарНЦ РАН
185910, Петрозаводск,
ул. Пушкинская, д. 11
E-mail: mullonen@krc.karelia.ru

Kuzmin, Denis Viktorovich

PhD, Senior Research Fellow,
Department of Linguistics
Institute of Linguistics, History
and Literature of the Karelian
Research Centre of the Russian
Academy of Sciences
11, Pushkinskaya str.,
185910, Petrozavodsk, Russia
E-mail: kuzmiccu@hotmail.com

Mullonen, Irma Ivanovna

DrHab, Chief Research Fellow,
Department of Linguistics
Institute of Linguistics, History
and Literature of the Karelian
Research Centre of the Russian
Academy of Sciences
11, Pushkinskaya str.,
185910, Petrozavodsk, Russia
E-mail: mullonen@krc.karelia.ru

From Shape to Content: Shape Metaphor in Karelian Toponymy

The paper gives an overview of Karelian metaphoric place names motivated by shape in the territory of Karelia. Although rather few in number (only around 2 % of all documented Karelian place names), they seem to work better than any other toponymic group in highlighting the features of the vernacular worldview. The productivity of metaphoric patterns of place-naming increases from the south to the north of Karelia, apparently due to the variations in landscape characteristics and development patterns, as well as due to specific psychological features of different ethnic groups of Karelians living in the area. The authors consider the most productive naming motives to show that the people drew imagery from the material world which surrounded them in their daily lives; another productive group is constituted by the names of body parts. Contrasting these data with the universal images present in both

Russian and Finnic toponymic systems, the authors manage to reveal some ethno-specific metaphors. It is to be noted that, when being assimilated into the Russian language, the specific Finnic metaphoric place names are usually taken over directly without translation (mount *Mallya*, lake *Kandelo*). Some examples are provided to demonstrate differences between the metaphoric worldviews of Finnic and Russian inhabitants of the region. Many persistent metaphors constitute specific toponymic areas, their interpretation can further lead to a better reconstruction of the history of the Karelians.

Key words: Karelian toponymy, metaphoric place names, toponymic area, vernacular worldview.

А. А. Макарова

Екатеринбург

Основы со значением ‘талый’ в топонимии Русского Севера*

В статье проводится фонетический и лингвогеографический анализ основ со значением ‘талый’ в топонимии Русского Севера и сопредельных районов Костромской области. Материалом исследования являются топонимы как русского, так и субстратного происхождения, зафиксированные в картотеке Топонимической экспедиции Уральского университета (УрФУ); в качестве сопоставительного материала привлекаются данные вепсской, карельской и финской топонимии. В ходе анализа представленных на Русском Севере субстратных топооснов со значением ‘талый’, имеющих прибалтийско-финское и саамское происхождение, предложена интерпретация их фонетического варьирования и ареальной дистрибуции, уточнена этимологическая трактовка топонимов с основами *Сонд-* и *Шунд-*. Изучение репрезентантов

* Исследование выполнено в рамках проекта 34.2316.2017/ПЧ «Волго-Двинское междуречье и Белозерский край: история и культура регионов по лингвистическим данным», поддержанного Минобрнауки РФ.